

ЗАДАНИЯ ОТБОРОЧНОГО ЭТАПА ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 9 КЛАССА

1. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА (прозаический ИЛИ поэтический
– выбор участника олимпиады)**

Вариант 1

И.А. БУНИН

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

С горы, по наглаженной, ухабистой дороге, спускался к реке студент Воронов. Возле моста, положив руки на костыль и глядя на реку, стоял какой-то маленький человечек.

Изумрудные льдины лежали вокруг темно-лиловой проруби. Голоса баб, полоскавших белье, звонко раздавались в морозном воздухе. Солнце скрывалось сзади, за горою, снежная долина вся была в тени, но оконца изб и кресты церкви на противоположной вороновской стороне еще горели лучистым золотом.

Глубокие январские снега, огромные снежные шапки на избах атели. Красновато чернел и сквозил возле церкви сад вороновского поместья, густо и свежо темнели сосны палисадника перед его домом. Дым из труб дома поднимался в чистое зеленое небо ровными фиолетовыми столбами.

Казалось, что стоявший возле моста любит.

Мимо него, со скрипом, раскатывались, неслись розвальни: шибко возвращался обоз порожняком. И он благоразумно отошел к сторонке.

– Держись, срежу! – крикнул один из обозчиков, сани которого раскатились особенно лихо.

Стоявший обернулся, что-то крикнул в ответ... И, махнул рукой, закашлялся.

Студент сбежал к мосту, – он все кашлял. По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, притворный: верно, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина.

Студент поравнялся с ним, заглянул ему в лицо, под самодельную шапку с наушниками и назатыльником, мехом внутрь. Тогда он смолк, низко поклонился и, отдуваясь, медленно побрел по мосту, с визгом вонзая в

морозный снег железный наконечник костыля. Худые ноги в больших лаптях еле волочились...

Нет, не дурачок. Просто нищий и больной.

Необычна была только аккуратность, с которой лежали мешки за его спиной. Необычен и зипунишка, старый, но тщательно заплатаанный. И уже совсем необычно было лицо – лицо подростка лет под сорок: бледное и изможденное, простое и печальное. Черные глазки глядели со странным спокойствием. Печальные губы среди реденьких усов и бороды полуоткрывались. Прядь длинных волос, по-женски ложившаяся на маленькое восковое ухо под наушником, была суха и мертва. Тело – щуплое, тощее, с болезненно приподнятыми плечами.

– Застыл, старик? – крикнул студент с деланой бодростью.

Нищий приостановился и тяжело перевел дыхание, раскрывая рот, поднимая грудь и плечи.

– Нет, – ответил он неожиданно просто и даже как будто весело. – Застыть не застыл...

И опять собрался с духом и прибавил еще бодрее, таким тоном, точно все обстояло вполне благополучно, кроме того, с чем уж ничего не поделаешь:

– Застыть не застыл. А вот здоровье...

Он приподнял грудь:

– А вот здоровье все хужеет!

И легонько двинулся вперед.

Студент осмотрел его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И как это он ухитряется ходить по такому морозу?

– Уж очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха! – сказал студент.

– Обужа, верно, плоха, – согласился нищий. – А вот одежда... Нет, одежда ничего. У меня под ней кофта ватная.

– Все-таки студишься небось без валенок-то?

– Студишься... Бока колет... Закашляешься – прямо смерть.

Говорить на ходу было трудно. И студент остановился. Остановился и нищий и поспешил положить дрожавшие руки на костыль.

– Дальний?

– Дальний... Из-под Ливен.

– Давно удушье-то?

– Удушье-то? Давно...

– Селитру не жег? Очень помогает.

– Нет. Перец... пил. Студент покачал головою.

– Глупо, – сказал он. – Я вот на доктора учусь, доктором, значит, буду... Понимаешь?

– Дело хорошее... Как не понимать...

– Ну, так и послушайся меня: перец не пей, а купи селитры. И стоит-то всего две копейки. Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышишь – полегчает.

И опять согласился нищий, не придав, видимо, ни малейшего значения селитре:

– Это можно. Деньги не велики.

– А ночевать-то где ноне будешь?

– Ночевать-то? Ночевать везде можно... В Знаменском ночью...

– Как в Знаменском? – сказал студент. – Но ведь ты туда к свету со своей ходьбой придешь!

– Мне спешить некуда, – ответил нищий и так просто, что студент слегка смешался. Помолчал и спросил:

– Побор в мешках-то?

– Ну, побор! Добришко... Рубахи, портки. Порток у меня много... Трое...

За мостом дорога раздваивалась: одна шла круто в гору, к вороновскому поместью, другая, отлогая, наискось к церкви.

– Слушай, – сказал студент, – пойдём к нам. Я бы тебе деньжонок дал...

Солнце закатывалось. Нищий посмотрел на гору, на черную, густую зелень елок в вороновском палисаднике, на мертвеющие сизые крыши усадьбы, на малахитовые снега выгона... И не спеша ответил:

– Беден только бес, на нем креста нет. А мне они почесть без надобности. А коли хочется, дай.

– Ну вот, и пойдём.

– А пойтить... не пойду. Ночую в Знаменском, ежели... дойду...

И, склонив голову, отдуваясь, полегоньку, нищий упорно побрел по дороге к церкви.

Студент забежал домой, захватил кошелек и догнал его на выезде в поле. Оттуда, с севера, дуло острым ветром, клейко схватывавшим усы и ресницы. Темнела и вся двигалась мутно-фиолетовая снежная равнина, отлого поднимавшаяся к высокому ветряку на горизонте. Свет заката еще брезжил на ее крестом простертых крыльях. А темнеющее поле все курилось и курчавилось, бежало быстрой дымящейся зыбью поземки.

– Ну-ка вот тебе полтинничек, – слегка задохнувшись, сказал студент, когда на скрип его шагов нищий обернулся и остановился. – Да скажи, как поминать тебя, – прибавил он шутливо.

Нищий усмехнулся.

– А мне теперь ничего, полегчало, – ответил он бодро, хотя лицо его посинело и сморщилось, а на глазах от ветра выступили слезы.

Сняв большую варежку, он неловко взял ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрел на нее. Студент ждал великой радости, но поблагодарил нищий довольно спокойно:

– Вот за это спасибо... А поминать меня, Бог даст, не придется... Дойду.

– Серьезно, как звать-то тебя и что ты за чудак такой? – спросил студент.

– Звать-то? Звали Лукой... А уж чем чуден я – не знаю.

– Да ведь замерзнешь!

– И замерзнешь, не откажешься. Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет – везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один.

– В рай, значит, спешишь попасть? – сказал студент, трогая ухо и поворачиваясь от ветра.

– Зачем в рай? Это еще дело темное – не то есть он, рай-то, не то нет. А мне и тут не плохо.

Ветер все сильнее дул в спину, в голову, леденил затылок, делал легкими ноги. Студент с удивлением взглянул в лицо нищего:

– Это тебе-то не плохо?

Нищий гоже взглянул ему в глаза.

– А что ж мне? – спросил он. – Беден только бес, на нем креста нет. А я живу себе.

– Живешь, как птицы небесные?

– А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся.

– А ты что? Философ? Атеист?

– Не понимаю я этих слов.

– Знаю, что не понимаешь. Я хотел спросить: в Бога-то ты веришь?

Нищий подумал.

– В Бога нет того создания, чтоб не верило, – твердо сказал он.

Студент взглянул на него с еще большим удивлением. Но стоять было так холодно, что он поколебался, поколебался и решительно выговорил:

– Ну с Богом!

– Стало быть, прощайте, – отозвался нищий и тряхнул своей круглой шапкой. – Спаси Христос...

И, подумав, надел варежку и повернулся. Маленький, сгорбленный, с высоким костылем, он скоро стал еще меньше, по пояс утонул в сумерках и волнистой снежной зыби, густо бежавшей на него от мельницы...

Вечером студент долго ходил из угла в угол по залу. Прислуга спала. На столе горела лампа, в углу, перед иконой – лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, – чтобы Бог дал благополучную дорогу. И теперь студент с тревогой посматривал на часы, – был уже девятый, а матери все не было.

– Дикарь! – говорил он иногда вслух, вспоминая нищего.

Ночью он спал мало. С вечера читал Юнга и часов в десять, в валенках и башлыке, вышел взглянуть на восход Близнецов. И на пороге сеней оторопел: показалось, что свету Божьего не видно, – так гулко шумел сад от морозной бури, так бешено несла поземка. Но сад четко чернел над ее непрерывно несущимися вихрями, и звезды огнем горели на черном чистом небе. Утопая в снегу, нагибая голову от жгучей, захватывающей дух пыли, студент одолел гудящую аллею и глянул в поле: темь, смутно волнующееся белесое море – и над ним, как два страшных, то исчезающих, то появляющихся алмазно-голубых глаза, две яркие, широко расставленные звезды...

Второй раз студент добрался до садового вала в двенадцатом часу. Стало еще морознее и страшнее. Все спит мертвым сном, нигде ни огонька, сад ревет властно и дико. Небо еще чище, чернее, звезды еще пламеннее. А над белым морем метели – два других, еще шире раскинутых, кровавых глаза: Арктур и Марс. Остро блещут зерна Волопаса, веером рассыпанные на горизонте за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горят почти над головой...

"Замерзнет, черт!" – с сердцем подумал студент про нищего.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали в темный дом, заносимый снегом, плохо прикрытые ставни. До костей промерзнув на ветру, студент заснул крепко, но потом стал сквозь сон томиться этим стуком. Он очнулся, зажег свечу, оделся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, он услышал отдаленную сонно-певучую переключку петухов и замер от восхищения. Свежо и остро пахло тем особенным воздухом, что бывает после вьюги с севера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая от полумесяца, низко стоявшего над горой, за долиной, мешалась с тонким светом зари, чуть алевшей на востоке. Треугольником дрожащего расплавленного золота висела там Венера. Марс и Арктур искрились высоко на западе. И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись от бездонного неба, так были яркие и чисты, что золотые и хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск. Горели огни по избам на селе, петухи как бы убаюкивали нежно-усталый, склоняющийся полумесяц. И с звонким скрипом, с визгом въезжала в ворота знакомая тройка – вся серо-курчавая от инея, с белыми пушистыми ресницами...

Когда студент подбежал к саням, мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело.

1909

Вариант 2

Д.Б. КЕДРИН

ДУМА О РОССИИ

Широка раскинулась Россия,
Много бед Россия выносила:
На нее с востока налетали
Огненной метелицей татары,
С запада, затмив щитами солнце,
Шли стеною на нее ливонцы.
"Вот ужо, - они ее пугали, -

Мы в песок сотрем тебя ногами!

Погоди, мол, вырастет крапива,

Где нога немецкая ступила..."

Бил дозорный в било на Пожаре,

К борзым коням ратники бежали,

Выводил под русским небом синим

Ополченье тороватый Минин,

От неволи польской и татарской

Вызволяли Русь Донской с Пожарским,

Смуглая рука царя Ивана

Крестоносцев по щекам бивала.

И чертили по степным яругам

Коршуны над ними круг за кругом,

Их клевало на дорогах тряских

Воронье в монашских черных рясах,

И вздымал над битой вражьей кликой

Золотой кулак Иван Великий...

Сеял рожь мужик в портах посконных,

И Андрей Рублев писал иконы,

Русичи с глазами голубыми

На зверье с рогатиной ходили,

Федька Конь, смиряя буйный норов,

Строил чудотворный Белый город,

Плошка тлела в слюдяном оконце,

Девки шли холсты белить на солнце,

Пели гусли вещего Баяна

Славу прошлых битв, и Русь стояла,
И Москва на пепле выростала,
Точно голубятня золотая...

Нынче вновь кривые зубы точит
Враг на русский край. Он снова хочет
Выложить костями нас в ратном поле,
Волю отобрать у нас и долю,
Чтобы мы не пели наших песен,
Не владели ни землей, ни лесом,
Чтоб влекла орда тевтонов пьяных
Наших жен в шатры, как полонянок,
Чтобы наши малые ребята
От поклонов сделались горбаты,
Чтоб лишь странники брели босые
По местам, где встарь была Россия...

Не бывать такому сраму, братцы!
Грудью станем! Будем насмерть драться!
Изведем врага! Штыком заколем!
Пулею прошьем! Забьем дрекольем!
В землю втопчем! Загрызем зубами,
А не будем у него рабами!
Ястреб нам крылом врага укажет,
Шелестом трава о нем расскажет,
Даль заманит, выдаст конский топот,
Русская река его утопит...
Не испить врагу шеломом Дона!

Русские не склонятся знамена!
Будем биться так, чтоб видно было:
В мире нет сильнее русской силы!
Чтоб остались от орды поганой
Только безыменные курганы,
Чтоб вовек стояла величаво
Мать Россия, наша жизнь и слава!

1942

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ ОТБОРОЧНОГО ЭТАПА ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 9 КЛАССА

Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов. Шкала оценок: 10 – 15 – 20 – 25

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 5 – 10 – 15 – 20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

4. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Если в среднем более трех ошибок на страницу текста, работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1 – 2 – 3 – 5

Дополнительно оценивается:

5. Наличие оригинальных и вместе с тем обоснованных наблюдений, формулировок, параллелей. При наличии дополнительных баллов нужна мини-рецензия.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

Итого: максимальный балл – 70

2. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Напишите связный текст литературоведческого/историко-литературного/учебного/публицистического характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов (словосочетаний):

тема «маленького человека», Иван Петрович Белкин, готическая повесть, Большое Болдино, сентиментализм, композитор Г.В.Свиридов, романтизм, предисловие автора, русский национальный характер, художник В.А.Милашевский.

Приступая к работе, сначала придумайте и кратко письменно объясните, где и как мог бы быть использован этот текст, определите жанр сочинения. Старайтесь выбрать стиль текста в соответствии с задуманным жанром. Закончив работу, подчеркните в тексте слова и словосочетания из приведенного списка.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ТВОРЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ ОТБОРОЧНОГО ЭТАПА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 9–11 КЛАССА

1. Уместность и корректность употребления приведенных в задании слов (словосочетаний) – по 1 баллу за слово (словосочетание).

Максимально 10 баллов.

2. Соответствие выбранного учеником жанра композиционно-стилистическому воплощению текста.

Максимально 5 баллов.

3. Знакомство с историко-культурным и теоретико-литературным контекстом и умение ориентироваться в них.

Максимально 5 баллов.

4. Связность и стройность работы, точность и выразительность речи, разнообразие синтаксических конструкций.

Максимально 5 баллов.

5. Оригинальность работы (необычность замысла и воплощения, неожиданность ассоциаций, интересные находки, оригинальность «сюжета», стилистическая свежесть и т.п.)

Максимально 5 баллов.

Итого: максимальный балл – 30 баллов